

Таким образом, основополагающими методологическими принципами синергетики являются неравновесность, открытость и нелинейность. На основании их синергетика рождает новый образ постнеклассического детерминизма, в котором активная

роль отводится человеку. Человечество может влиять на будущее, выбирая оптимальный путь развития, но для этого оно должно лучше понять отличие социальной динамики от природной, личностные аспекты социогенеза и механизм его функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 91–98.
2. Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика — ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. — 1996. — № 5. — С. 54–66.
3. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. — М.: УРСС, 2003. — С. 275–276.
4. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. — М.: Мир, 1979. — С. 488–489.
5. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. — М.: Наука, 1985. — С. 134.
6. Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. — М.: Мир, 1985. — С. 19.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М.: УРСС, 2003. — 310 с.
8. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. — М.: КомКнига, 2005. — С. 37.
9. Николаева Е.М. Социальная философия и синергетика. — Набережные Челны: Изд-во Камского политехн. ун-та, 2001. — С. 9.

Поступила 22.03.2010 г.

УДК 165.42

О ДИАЛЕКТИКЕ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

И.В. Черникова

Томский государственный университет
E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Рассматривается проблема, каким образом сохранить объективность как ценность научного познания и в тоже время ввести в эпистемологию исторические параметры, ценностно-этическую размерность. Обозначены контексты, в которых объективность научного знания переосмыслена с учетом обращения науки к изучению сложных саморазвивающихся систем, а также с учетом социальных и психологических факторов научного познания.

Ключевые слова:

Познание, знание, наука, истина, объективность, реальность, эволюция.

Key words:

Cognition, knowledge, science, truth, objectivity, reality, evolution.

Проблема соотношения субъективного и объективного в научном познании относится к ряду вечных вопросов философии, которые актуализируются и получают новое содержательное наполнение на разных этапах развития философии познания. Например, в связи с лингвистическим поворотом в философии возник вопрос, означает ли осмысление герменевтической ситуации истины конец объективистской трактовки научной истины, преодоление нормативистских подходов?

На наш взгляд, осмысление этого вопроса тесно связано с пониманием и трактовкой природы реальности, по поводу которой высказывается суждение. Образ реальности, формируемый современной наукой, описывается такими понятиями как темпоральность, сложность, нелинейность, стохастичность, самоорганизация, коэволюция. Реаль-

ность характеризуется как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Процессуальность и субъективизация, так можно охарактеризовать основные тенденции изменений восприятия реальности, складывающиеся в синергетической парадигме науки. Возникает проблема, каким образом в связи с изменением онтологических моделей, ввести в эпистемологию исторические параметры?

В философии XX в. осознано присутствие человеческих смыслов в основании науки. Влияние на науку человеческих параметров особенно осознаваемо при смене парадигмы. Подобная проблема возникала и при формировании неклассической науки. Вспомним дискуссии вокруг описания квантово-механической реальности. Примечательна дискуссия А. Эйнштейна и Р. Тагора по поводу характера научной истины [1. С. 131].

А. Эйнштейн убежден, что не зависящей от человека реальности должна соответствовать одна истина. Р. Тагор обращает внимание на то, что, оставаясь нацеленной на выявление общих закономерностей, наука все равно человечна. Наука занимается рассмотрением того, что не ограничено отдельной личностью, она «является вневличным человеческим миром истин». Абсолютной истины в науке быть не может. Но отказ от абсолютной истины не означает субъективизма науки в смысле отказа от объективности. Что же тогда есть объективная истина в науке? По мнению А. Эйнштейна, это та истина, которая согласуется с общечеловеческой истиной и соответствует реальности. Р. Тагор ставит под сомнение не существование объективной реальности, а единственность истины отвечающей реальности. В процессе постижения истины происходит извечный конфликт между универсальным человеческим разумом и ограниченным разумом отдельного индивидуума, если бы и была какая-нибудь абсолютная истина, независящая от человека, то для нас она бы была абсолютно не существующей. То, что мы называем истиной, заключается в рациональной гармонии между субъективным и объективным аспектом реальности, каждый из которых принадлежит Универсальному Человеку [1. С. 132]. Правота Р. Тагора подтверждается современной наукой, что бы мы ни называли реальностью, она открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем.

В научном познании двойственность истины находит выражение в двойном смысле идеала объективности, который имеет реальный и одновременно социально-культурный аспекты. Указывая на двойной смысл идеала объективности, Г. Башляр отмечал: если бы мы искали знание в области чувственно-наглядного, прибегая к силе памяти, мир был бы нашим представлением. Если бы мы были наоборот, целиком привязаны к обществу, то искали бы знания только на стороне всеобщего, полезного и мир стал бы нашим соглашением. На самом деле научная истина есть предсказание, или лучше сказать, предначертание [2. С. 35].

Субъективный аспект в истине присутствует всегда, ибо она является знанием и принадлежит субъекту. Но в то же время истина объективна, ибо имеет свойства быть знанием чего-то. Объективный аспект истины определяется самой вещью, тем, что дано в восприятии. Субъективный аспект определяется формой восприятия. Феноменологический метод в философии сосредоточен на этой стороне познания, а именно на способе, каким вещь дана субъекту.

На способ, каким реальность дана сознанию, особое внимание обращает феноменология. Характеризуя феноменологическое познание, К.А. Свасьян отмечает, что глядя на вещь, мы одновременно творим ей контекст восприятия, некий смысловой горизонт, на фоне которого она и может быть воспринята [3. С. 128].

Другой представитель феноменологии Д. Гильдебранд также понимает познание как восприятие, некое духовное обладание, истолкование. Приведем его рассуждения, излагаемые в работе «Что такое философия». Смысл познания в том, что объект «схватывается» личностью. Познание не есть суждение, не есть убеждение. Любое познание имеет активную компоненту, которую можно назвать «интеллектуальным сопутствием объекту». Мы должны различать два вида зависимости от сознания, или два вида субъективного: деформация реальности или иллюзия; проявление реальности, содержащее важное, обращенное к человеку послание. Видимый образ природы, являющийся важным носителем ценностей, содержащий в себе специфическую весть сознанию человека, обладает абсолютной значимостью и реальностью, хотя он и предполагает существование сознания для того, чтобы быть понятым и даже для того, чтобы конституироваться [4. С. 248]. Д. Гильдебранд различает два вида близости к объекту. С одной стороны, мы приближаемся к объектам, когда движемся между ними, это научный способ познания. С другой стороны, объекты могут быть приближены к нам в результате экзистенциального контакта с ними. Наука изучает предмет в аспекте конкретного проявления, а философия — в аспекте сущностного проявления. Но и наука, и философия дают интеллектуальный срез реальности.

Обобщая понимание истины в философии, Р. Рорти выделил две традиции — это традиция Платона — И. Канта — Г.В.Ф. Гегеля, трактовавших движение к истине как движение к представлению о мире «как он есть сам по себе», им основа достоверных суждений виделась в чувственных данных и ясных идеях. Представители другой традиции, где ставится под сомнение способ мышления в оппозициях субъект-объект, не рассматривают истину как эпистемологический феномен. К ней Р. Рорти отнес себя, а также Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, М. Фуко, Ж. Деррида, Х. Патнема, Т. Куна, а также У. Куайна и Д. Дьюи. Вместо понятия истины он предлагает идею солидарности. Опасность такой позиции для познания вообще и научного познания в частности очевидна, ибо, разрушая истину как основу рациональности, разрушаем сам разум, тем самым подрываем основы человеческого существования. Критика Р. Рорти репрезентативной модели познания привела не к концу эпистемологии, а стимулировала ее развитие. В конце XX в. в эпистемологии актуализированы такие когнитивные практики как интерпретационистская, конструктивистская, эволюционная эпистемология. Рассмотрим, как проблема объективности научного знания решается в современной эпистемологии.

Объективность знания связана с учением об истине, в котором центральной является объективная составляющая — соответствие знаний объективной реальности (корреспондентская или классическая

концепция истины). До кантовской революции в гносеологии проблема объективности решалась через аристотелевское понимание истины как соответствия действительности. Переворот И. Канта в гносеологии, после которого центральную позицию в смысловом пространстве занял субъект (не субъект вокруг объекта, а объект вокруг субъекта), привел к трансформации классической концепции истины. По И. Канту, объективная действительность сама по себе нам не дана, и, следовательно, говорить можно о соответствии знания данным опыта, будь то опыт теоретический, социальный или эксперимент. В итоге появились прагматическая, конвенциональная и, когерентная концепции истины.

В современной познавательной ситуации эпистемологическое пространство образовано различными и многообразными когнитивными практиками. Если в начале XX в. интерпретативные модели познания характеризовали гуманитарные науки, то, начиная с середины XX в., в методологии естественных наук все больше осознавались интерпретативные и конструктивистские параметры знания. Было показано, что факты теоретически нагружены, что процедурой формирования научного факта является, в том числе, и выбор теории для интерпретации данных наблюдения. Исследуя наблюдаемость как метод эмпирического познания, выявили сложность и этой базовой процедуры.

В эволюционной эпистемологии и когнитивной психологии восприятие оказывается под самым пристальным вниманием эпистемологов. Наша сетчатка воспринимает достигающие ее световые лучи в двух измерениях, и, тем не менее, мы видим вещи в трехмерном пространстве без помощи сознательного вывода. Известно о существовании «слепого пятна» в нашем восприятии, что объясняют наличием на сетчатке участка не чувствительного к свету. Что в таком случае считать наблюдением и возможно ли объективное знание в науке? Обозначим контексты, в которых объективность научного знания ставится под сомнение. Это релятивизация знания, обусловленная обращением науки к изучению «человекоразмерных» объектов, сложных систем, динамичных и спонтанных. Это учет социологией науки социальных и психологических факторов научного познания и актуализация интерпретативных моделей познания.

Проведем сравнение, как проблема объективности научного знания решается в социологии науки и в когнитивистской традиции. Отправной точкой исследований по социологии науки явилась мертоновская концепция науки, сформулированная в 30-х гг. прошлого века, в которой наука исследовалась как замкнутая система социальных отношений безотносительно к характеру производимого этой системой знания. По сути дела, в основе мертоновского понимания науки лежит идущая от позитивизма традиция рассматривать науку как автономную деятельность. Предметом мертоновской социологии науки являются чисто внешние со-

циальные формы функционирования этой автономной когнитивной системы.

Сильным стимулом развития социологии науки стала концепция Т. Куна. В рамках этой концепции были разрушены привычные стандарты понимания внутренних и внешних факторов развития науки как соответственно когнитивных и социальных. Парадигма, по Т. Куну, являясь внутренним фактором научной динамики, обладает и когнитивным и социальным измерениями. Это явилось отправным моментом для снятия «запрета» на социологические исследования содержания научного знания. В частности, проблема объективности научного знания становится предметом исследования социологии науки, где научное знание рассматривается как социально сконструированное.

В методологии науки XX в. концепция объективности научного знания также существенно трансформировалась. Объективность перестали противопоставлять субъективности. Так, в ходе исследования объектов микромира был введен методологический принцип дополнительности, в котором учитывалось влияние условий познания на концептуальное определение и описание микрочастиц. Кроме того, оказалось, что существуют объективные неопределенности (принцип неопределенности В. Гейзенберга, 1927 г.), что изменило представление об объективности как однозначности. Индетерминизм и свобода воли стали частью физической и биологической наук. Мир предстал перед естествоиспытателями уже не как каузальная машина, он стал выглядеть как мир предрасположенностей.

Академик Н.Н. Моисеев описывает как постепенно «таяла вера» в непогрешимость классического рационализма, в существование Абсолютного наблюдателя, а, следовательно, и Абсолютной истины. Принять последнее, с его точки зрения, было особенно трудным, но и стало самым существенным, ибо Абсолютная истина — была главным столпом, на котором покоилось тогдашнее мировоззрение. Вопрос о том, как же все происходит на самом деле, казался центральным вопросом научного знания. И отказ от самого вопроса стал революцией в сознании. «История моего прозрения, замечает Н.Н. Моисеев, достаточно типична. Научное мышление очень консервативно. Утверждение новых взглядов, складывание новых методов научного познания, поиски адекватного представления об Истине и формирование в умах ученых непротиворечивой картины Мира происходили медленно и очень просто» [5. С. 99].

Еще более радикальные изменения во взглядах на природу произошли в науке ближе к концу XX в., когда в число объектов научного исследования вошли сложные природные комплексы, самоорганизующиеся, включающие человека. Здесь позиция внешнего наблюдателя исчезала не только гносеологически, но и онтологически. Человек не только в качестве субъекта, не только через условия позна-

ния, но через физическое и ценностное свое бытие оказался включенным во внутринаучный контекст. Описание систем такой сложности вновь делает особенно актуальным вопрос об объективности научного знания. В научных лабораториях и в аудиториях учебных заведений объективность научного знания является основным идеалом, который научную деятельность позволяет сделать осмысленной. Объективность в науке — благородная цель и ее следует беречь как зеницу ока, такова позиция сторонников научного реализма. Рассмотрим, как проблема объективности научного знания решается одним из лидеров философского реализма К. Поппером в позднем периоде его творчества.

По мнению К. Поппера, в эмпирическом основании объективной науки нет ничего абсолютного. «Наука не зиждется на скале. Дерзкое здание ее теорий воздвигнуто, так сказать, на болоте. Оно подобно дому, построенному на сваях. Сваи погружаются в болото сверху вниз, но они не достигают никакого естественного или «данного» основания; и если мы прекращаем попытки забить эти сваи еще на один слой глубже, то не потому, что достигли твердой почвы. Мы просто останавливаемся, убедившись, что сваи достаточно прочны, чтобы выдержать здание, по крайней мере, на данный момент» [6. С. 246]. В попперовской философии объективность знания исключает абсолютность знания. Никакое объективное знание не может быть абсолютным. Объективное знание должно быть проверяемым; проверяемым, значит опровержимым; опровержимым, значит, не абсолютным.

Основными оппонентами К. Поппера в вопросе объективности были Л. Витгенштейн и Т. Кун. Для сохранения объективности научного поиска как цели и ценности К. Попперу потребовалось вывести обсуждение этой проблемы на более высокий концептуальный уровень. Разработанная К. Поппером метафизическая доктрина — теория третьего мира, в сочетании с эволюционной эпистемологией, одним из основателей которой является К. Поппер, противостоит психологическому и социологическому подходам, восстанавливает объективность и рациональность науки. В рамках нового концептуального каркаса наука освобождается от релятивизма, поскольку научные теории «не отдаются на милость» сообществу ученых данной эпохи, напротив, само это сообщество оказывается всего лишь фрагментом процесса развития автономного третьего мира. Роль личностного фактора в науке также ослабляется, потому что отдельные группы ученых не создают науку по своему желанию. Они все мелкие рабочие на огромном конвейере, вклад каждого, как бы ни был он велик, мал в сравнении с третьим миром в целом [6]. Объективность научного знания обеспечивается благодаря трактовке познания в русле эволюционной эпистемологии. Таким было и решение проблемы объективности научного знания, предложенное К. Поппером.

Сопоставляя понимание истины и условия ее получения в классической, неклассической и постнеклассической науке, философы отмечали обусловленность познания идеалами и нормами познавательной деятельности, укорененными в философских основаниях науки, к которым относится картина мира, идеалы и нормы научного познания. Эта сторона вопроса наиболее глубоко исследована В.С. Степиным и его последователями. В классической парадигме науки предполагается, что условием получения истинных знаний об объекте является элиминация при теоретическом объяснении всего, что относится к субъекту. Неклассическая наука (ее образец квантово-релятивистская физика) учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект. Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Здесь учитывается соотношение получаемых знаний не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами.

Подход, разрабатываемый В.С. Степиным, явился развитием эпистемологического конструктивизма. По мнению В.С. Степина, теоретические схемы конструируются на основе фундаментальных моделей, первоначально выступающих в виде гипотез, пригодность которых верифицируется позже. Эпистемологический конструктивизм, развиваемый на основе реализма, исходит из того, что мышление не открывает объекты и не создает их, а скорее конструирует. Конструктивистская концепция познания строится на основе идей самоорганизации и историзма. Сторонники конструктивистской трактовки знания указывают, что традиционная познавательная схема «субъект — объект — ментальное представление — знание» является функцией лингвистических конвенций утвердившихся в культурных традициях и стандартах научного дискурса. Но это лишь одна сторона медали. Вторая сторона раскрывается в эволюционной эпистемологии и на основе онтологии построенной на идеях глобального эволюционизма, системности. В этом ракурсе коммуникативный уровень взаимодействий понимается не как фундаментальный, а как эволюционно обусловленный.

Эволюционный подход к решению проблемы истины разрабатывает также Д. Деннет. В отличие от постмодернизма, заменившего изучение психологических процессов (смерть субъекта) анализом дискурсивных позиций участников лингвистической деятельности, эпистемологический конструктивизм преодолевает крайности репрезентативной концепции знания и постпозитивистской (языковые игры). Субъект не копирует объект, а вступает с ним в разного рода отношения — деятельностно-практические отношения, моделирования, отношения коммуникативного действия. Происходит возврат к знанию — представлению, но представление здесь служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений.

Как видим, в эпистемологических схемах, на которые опирается современное научное познание, распространена модель познания как конструкции. В современном естествознании произошел поворот от предметно-ориентированного познания к познанию реальности, понимаемой как взаимосвязи, от реальности вещной, зримой к реальности, конституируемой в деятельности познавательной, социальной, экзистенциальной и в других аспектах деятельности.

Одним из наиболее последовательных сторонников объективности и истинности как высшей ценности научного мировоззрения можно назвать К. Поппера. Анализируя проблему истины в науке, К. Поппер отмечал, что сложность, с которой столкнулось классическое понятие истины в осознании проблемы: что мы имеем в виду, когда говорим о соответствии высказывания фактам или реальности? Как только мы поняли, что это соответствие не может быть структурным подобием, задача разъяснить соответствие стала представляться безнадежной. Появились вспомогательные теории истины. Среди них теория когеренции, принимающая за истинность непротиворечивость, теория очевидности, где за истину принимается некоторое знание по принципу «известно в качестве истины». Прагматическая или инструменталистская теория истины, принимает за истину полезность. Все вспомогательные теории исходят из субъективистской точки зрения, знание здесь рассматривается как особый вид веры. Между тем, объективистский подход к истине означает, что теория может быть истинной, даже если никто не верит в нее, и даже если нет причины для ее признания [7. С. 340].

Статус истины в объективном смысле К. Поппер сравнивает с горной вершиной, которая почти постоянно закрыта облаками. Альпинист может не знать, достиг он вершины или нет, так как в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенной. К. Поппер указывает, что зачастую отсутствие возможности проверки предположения, а современная наука, имея высокую степень теоретизации, в ряде случаев не допускает эмпирической проверки, служит аргументом против истины. К. Поппер показывает, что те, кто заявляет, что если нет критерия, то нет и истины, заблуждаются. Например, вполне может не существовать критерия, позволяющего нам отличить настоящую банкноту от поддельной, но если встретятся две банкноты с одинаковым серийным номером, то у нас будут достаточные основания заявить, что одна из них поддельная. Отсутствие критерия истины не в большей степени превращает понятие истины в бессмысленное, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья [7. С. 385].

Итак, по мнению К. Поппера, истина как регулятивный принцип необходима, хотя мы можем ее никогда не достигнуть. Именно идея истины делает возможной рациональную дискуссию, то есть критический дискурс. В методологии науки поня-

тие истины необходимо для установления соответствия теории фактам.

Обращение к познанию сложных саморазвивающихся систем, ставших объектом науки второй половины XX в., вновь привело к необходимости осмысления специфики познания, теперь в постнеклассической науке. Возникли проблемы, каким образом ввести в эпистемологию исторические, темпоральные, социокультурные параметры? Как переосмыслить категорию истины и объективность научного знания в связи с трактовкой познания как интерпретативной деятельности, с внедрением конструктивистских идей?

Современная западная философия, считает Т. Рокмор, в вопросах познания предлагает два основных подхода. Один (более распространенный) обозначается как фундаменталистская форма эпистемологии – претензия на познание независимой от сознания реальности. Второй, только возникающий, назван концепцией исторического конструирования, заключается в идее, что мы не знаем и не можем знать, независимую от сознания реальность как таковую, но знаем лишь эмпирическую реальность, которую мы в некотором смысле, конструируем в результате взаимодействия с непознаваемым внешним миром. Второй подход реализуется постнеклассической наукой.

Объективность знания в постнеклассической науке становится проблемой в связи с особенностью объекта постнеклассической науки – это «человекоразмерность». Примером такого рода объектов являются сложные самоорганизующиеся системы, такие как экосистемы, биосфера, объекты биотехнологий и компьютерных технологий. Отмечается, что современная наука выходит на совершенно иной уровень познания человека. Обсуждается проблема конструирования человека. Происходит невиданное ранее переплетение собственно научного знания и знаний о человеке полученных из религии, искусства.

Особенно усиливается социокультурная обусловленность научного знания. Например, известно о социальной и биологической природе человека. Как эти две составляющие взаимодействуют? Для нашей культуры, считает Б.Г. Юдин, характерно акцентирование внимания на роли среды и воспитания в формировании личности. Для западной (американской) на первом плане влияние генов. Но оба эти проекта сегодня отличаются от прошлых вариантов следующим: нынешние воззрения отличает существенно технологический подход, построенный на системах диагностики и на количественных оценках. Такой подход опирается на допущение, согласно которому человека можно понимать как набор отдельных признаков, это мозаичное восприятие сложных объектов совпадает с постмодернистским стилем мышления. Принципиальной особенностью современного подхода является его отчетливо выраженный конструктивизм [8].

Такая характеристика как «человекоразмерность» предполагает и новый уровень сложности объектов постнеклассической науки, их функционирование определяется новыми параметрами порядка (термин Г. Хакена) и новой сложностью. Сложность, замечает И.Р. Пригожин, ассоциируется с теми ситуациями, в которых корреляции велики по отношению к размерам единиц, входящих в состав системы [9. С. 17].

Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекоразмерным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих предложений. Познание такого рода объектов не может не быть этически нагруженным, оно включает ценностные параметры. Как отмечал экономист Ф. Хайек, воцаряется та этика, которая успешна в экономическом плане. Например, модели экологических комплексов формируются не только с учетом экономики, учитывающей затраты и прибыль, эффективность модели определяется и ее социальной ценностью, причем, не только данного момента, но в исторической перспективе.

Эпистемологическая практика познания человекоразмерных объектов не может использовать субъектно-объектную схему, в которой субъект занимает позицию внешнего наблюдателя. Такой схеме соответствовала онтология сознания как ока, расположенного перед миром. В эволюционной эпистемологии познание рассматривается не как представление мира в готовом виде, а как непре-

рывное сотворение мира через процесс самой жизни. К феномену познания нельзя подходить, будто во внешнем мире существуют факты или объекты, которые мы постигаем и храним в голове, «мы не видим пространство мира, мы проживаем поле нашего зрения» [10. С. 20].

Наиболее адекватной когнитивной практикой для познания человекоразмерных объектов является эволюционная эпистемология, позволяющая «понять регулярности мира без какой-либо независимой от нас точки отсчета» (У. Матурана).

Наделяя реальность параметрами сложности, спонтанности, нелинейности и саморазвития, мы формируем онтологию, в которой переосмысливаются основные характеристики бытия. Реальность предстает в виде процесс-системы с нелинейной динамикой. Важно подчеркнуть и новое понимание эволюционного процесса: эволюция рассматривается как коэволюция, совместная эволюция системы и среды. Формирование нового раскрывается через механизм автопоэзиса. В последнее время исторический подход приобретает все больше оснований в разных областях естествознания, особенностью современного научного мировоззрения является переход к глобальному эволюционизму в целом. Вследствие сказанного объективность в постнеклассической науке оказывается соответствием процессу. Это соответствие выражается через трактовку знания как адекватного действия, способствующего развитию системы, являющейся частью процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйнштейн А. Природа реальности (беседа с Р. Тагором) Собрание научных трудов. Т. IV. — М.: Наука, 1967. — 324 с.
2. Башляр Г. Новый рационализм. — М.: Прогресс, 1987. — 275 с.
3. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. — Ереван: Изд-во АН Армении, 1987. — 377 с.
4. Гильдебранд Д. Что такое философия. — М. Прогресс, 1986. — 600 с.
5. Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству. — М.: Россия молодая, 1999. — 288 с.
6. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / под ред. В.Н. Садовского. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 462 с.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — 606 с.
8. Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / под ред. Н.К. Удумян. — М.: Наука, 2004. — С. 417–426.
9. Пригожин И.Р. Человек перед лицом неопределенности. — М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. — 303 с.
10. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 223 с.

Поступила в печать 04.05.2010 г.